

литературное
НОВОИ
обозрение

№ 135 (2015)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
кандидат филологических наук

Николай Поселягин (теория)
кандидат филологических наук

Дмитрий Харитонов (история)
кандидат филологических наук

Александр Скидан (практика)

Абрам Рейтблат (библиография)
кандидат педагогических наук

Владислав Третьяков (библиография)
кандидат филологических наук

Кирилл Корчагин (хроника научной жизни)
кандидат филологических наук

МОСКВА

NEW LITERARY OBSERVER

Editorial board

IRINA PROKHOROVA	PhD	<i>(chief editor)</i>
NIKOLAY POSELYAGIN	PhD	<i>(theory)</i>
DMITRY KHARITONOV	PhD	<i>(history)</i>
ALEXANDER SKIDAN		<i>(practice)</i>
ABRAM REITBLAT	PhD	<i>(bibliography)</i>
VLADISLAV TRETYAKOV	PhD	<i>(bibliography)</i>
KIRILL KORCHAGIN	PhD	<i>(chronicle of scholarly life)</i>

Advisory board

KONSTANTIN AZADOVSKY	PhD	
HENRYK BARAN	PhD	State University of New York at Albany, professor
NIKOLAY BOGOMOLOV		Dr. habil. Lomonosov Moscow State University, professor
TATIANA VENEDIKTOVA		Dr. habil. Lomonosov Moscow State University, professor
TOMÁŠ GLANC	PhD	Humboldt-Universität zu Berlin, professor / Charles University in Prague, professor
HANS ULRICH GUMBRECHT	PhD	Stanford University, professor
ALEXANDER ZHOLKOVSKY	PhD	University of South Carolina, professor
ANDREY ZORIN		Dr. habil. Oxford University, professor Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor
ALEXANDER LAVROV		Dr. habil. Full member of Russian Academy of Sciences Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, leading researcher
JOHN MALMSTAD	PhD	Harvard University, professor
ALEXANDER OSPOVAT		National Research University – Higher School of Economics, professor
PEKKA PESONEN	PhD	University of Helsinki, professor emeritus
OLEG PROSKURIN	PhD	Emory University, professor
ROMAN TIMENCHIK	PhD	The Hebrew University of Jerusalem, professor
ALEXANDER ETKIND	PhD	King's College, Cambridge University, professor
MIKHAIL YAMPOLSKY		Dr. habil. New York University, professor

Редколлегия

КОНСТАНТИН АЗАДОВСКИЙ		кандидат филологических наук
ХЕНРИК БАРАН	PhD	Университет штата Нью-Йорк в Олбани, профессор
НИКОЛАЙ БОГОМОЛОВ		доктор филологических наук Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор
ТАТЬЯНА ВЕНЕДИКТОВА		доктор филологических наук Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор
ТОМАШ ГЛАНЦ	PhD	Университет им. Гумбольдта, профессор / Карлов университет в Праге, профессор
ХАНС УЛЬРИХ ГУМБРЕХТ	PhD	Стэнфордский университет, профессор
АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ	PhD	Университет Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе, профессор
АНДРЕЙ ЗОРИН		доктор филологических наук Оксфордский университет, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор
АЛЕКСАНДР ЛАВРОВ		доктор филологических наук академик РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), ведущий научный сотрудник
ДЖОН МАЛМСТАД	PhD	Гарвардский университет, профессор
АЛЕКСАНДР ОСПОВАТ		Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор
ПЕККА ПЕСОНЕН	PhD	Хельсинкский университет, заслуженный профессор
ОЛЕГ ПРОСКУРИН		кандидат филологических наук Университет Эмори (США), профессор
РОМАН ТИМЕНЧИК		кандидат филологических наук Еврейский университет в Иерусалиме, профессор
АЛЕКСАНДР ЭТКИНД	PhD	Кингс-колледж Кембриджского университета, профессор
МИХАИЛ ЯМПОЛЬСКИЙ		доктор искусствоведения Нью-Йоркский университет, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

№ 135 (2015)

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

- ИГОРЬ ЛЕВШИН 9 Лекции Вепря Петрова о поэзии.
Лекция 2: Соловей

ТЕОРИИ ТЕЛЕСНОГО ОПЫТА В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРАКТИКАХ

*Составители блока Татьяна Венедиктова
и Рональд Шлейфер*

- ТАТЬЯНА ВЕНЕДИКТОВА, 13 Вступление
РОНАЛЬД ШЛЕЙФЕР
- РОНАЛЬД ШЛЕЙФЕР 16 Ужасающая фактуальность боли:
Семиотика и возможность
репрезентации чувственного опыта
(пер. с англ. Андрея Логутова)
- НАТАЛИЯ АЗАРОВА 28 О длине стихотворной строки,
или Можно ли формализовать
телесность в стихе
- АННА ШВЕЦ 37 Словесный жест как возможность
прямой транскрипции опыта
- ВЛАДИМИР ФЕЩЕНКО 43 Телесный дейксис
в экспериментальной поэзии:
опыт Э.Э. Каммингса
- НИКОЛЬ СВОБОДНИ 56 Танцовщик как писатель: Вацлав
Нижинский и телесность языка
(пер. с англ. Андрея Логутова)

ПО СЛЕДАМ КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ: АНТРОПОЛОГИЯ ЯЗЫКА СОЦИАЛЬНОСТИ

*Составители блока Тимур Атнашев
и Михаил Велижев*

- ТИМУР АТНАШЕВ, 68 Вступление
МИХАИЛ ВЕЛИЖЕВ

МИХАИЛ ВЕЛИЖЕВ	71	Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «Философическое письмо» Чаадаева
ЕКАТЕРИНА ПРАВИЛОВА	88	«Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII — начала XIX веков
ТАТЬЯНА БОРИСОВА	101	«Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич
ТИМУР АТНАШЕВ	119	Реформаторы в поисках языка: книга Егора Гайдара «Государство и эволюция»

ФИЗИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

МАРИЯ ПИРОГОВСКАЯ	140	Запахи как миазмы, симптомы и улики: к проблеме сциентизации быта в России второй половины XIX века
-------------------	-----	---

ПОЛИТИКА ТЕЛА/ПОЭТИКА ПОЛА

ДЖЕННИФЕР УИЛСОН	170	Как важно любить нигилиста: «Вера» Оскара Уайльда и сексуальная политика русского радикализма (пер. с англ. Д. Харитоновой)
И. Н. АРЗАМАСЦЕВА	182	Три души провинциальной гимназистки (пьеса З.Н. Гиппиус «Зеленое кольцо»)
ОЛЬГА СКОНЕЧНАЯ	199	Пол и искусство, или «Треугольник, вписанный в круг» (О символистских подтекстах «Дара»)

ПРОЧТЕНИЯ

ЕВГЕНИЙ СОШКИН	217	К источникам рассказа Набокова «Картофельный Эльф»
ИГОРЬ НЕМИРОВСКИЙ	230	О счастье в личной жизни (карамзинский подтекст стихотворения «Из Пиндемонти»)

НОНКОНФОРМИЗМ REVISITED

ОЛЕГ ФЕДОТОВ	254	Снегопад в Рождество (Религиозные аллюзии в стихотворении И. Бродского «Снег идёт, оставляя весь мир в меньшинстве...»)
--------------	-----	---

БОРИС КОЛЫМАГИН	268	Китайские мотивы в поэзии андеграунда
АЛЕКСАНДР А. ЖИТЕНЕВ	279	Альтернативные модели времени в самосознании «неофициальной» культуры

«СТОЛИЦА РУИН»: ВОЙНА
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

ШАМШАД АБДУЛЛАЕВ	289	Одно стихотворение Сэмюэля Беккета
АНАТОЛИЙ РЯСОВ	293	Сэмюэль Беккет: Путь вычитания

ХРОНИКА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЛА ГОРБУНОВА	317	Книга-кентавр и счастье присутствия (Рец. на кн.: Айги Г. <i>Расположение счастья: Книга стихов.</i> М., 2014)
СЕРГЕЙ СДОБНОВ	322	Под (по)кровом очевидности (Рец. на кн.: Воинова В. <i>Вомбат и свист: Тексты.</i> Владивосток, 2014)

БИБЛИОГРАФИЯ

ТАТЬЯНА ВЕНЕДИКТОВА	326	Литературная прагматика: конструкция одного проекта (Обзор исследований литературы как коммуникации)
ЕВГЕНИЙ САВИЦКИЙ	346	«Новый медиевализм» четверть века спустя (Рец. на кн.: <i>Rethinking the New Medievalism.</i> Baltimore, 2014)
ГАЛИНА ЕЛЬШЕВСКАЯ	355	Теория искусства на грани нервного срыва (Рец. на кн.: Бюргер П. <i>Теория авангарда.</i> М., 2014; Крэри Дж. <i>Техники наблюдателя.</i> М., 2014; Дюв Тьерри де. <i>Именем искусства. К археологии современности.</i> М., 2014)
С. И. ЛУЧИЦКАЯ	364	Весь мир — шахматная доска (Рец. на кн.: <i>Chess in the Middle Ages and Early Modern Age.</i> Boston; Berlin, 2012)
	371	Новые книги

Н А П О Л Я Х

РОМАН ТИМЕНЧИК	388	О чести, простите, мундира
А. И. РЕЙТБЛАТ	392	Библиографический список прижизненных публикаций Ф.В. Булгарина в периодических изданиях и сборниках

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ВЕРА МИЛЬЧИНА	418	Международная конференция «Русские во Франции, 1814 год: факты, литература, мемуары» (Париж, 16–17 октября 2014 г.)
СОФЬЯ АБАШЕВА	428	Конференция «Воспитание взгляда: парадоксы Дидро» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 декабря 2014 г.)
АНДРЕЙ ВОЗЬЯНОВ, ОКСАНА ЗАПОРОЖЕЦ	433	Круглый стол «Человек мобильный и управление городской повседневностью: цифровая антропология городского транспорта» (Школа гуманитарных исследований РАНХиГС / Лаборатория историко-культурных исследований ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ, 5 декабря 2014 г.)
	438	Summary
	443	Errata
	444	Наши авторы
	445	Our authors
	446	Table of contents

Т а т ь я н а Б о р и с о в а

«НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА ОБЩЕСТВА»:
ЯЗЫК СУДА НАД ЗАСУЛИЧ*

T a t i a n a B o r i s o v a

«THE NECESSARY DEFENSE OF SOCIETY»:
THE LANGUAGE OF THE ZASULICH TRIAL

Татьяна Борисова (НИУ ВШЭ СПб., доцент, факультет истории, кандидат исторических наук) tborisova@hse.ru.

Tatiana Borisova (HSE, St. Petersburg; associate professor, Department of History; PhD) tborisova@hse.ru.

УДК: 93/94+34.02+34.03 UDC: 93/94+34.02+34.03

Ключевые слова: общество и государство, законность, власть и произвол, необходимая оборона, Анатолий Кони, Вера Засулич

Key words: society and the state, legality, authority and tyranny, the necessary defense, Anatoly Koni, Vera Zasluch

В статье рассматривается обойденная вниманием исследователей связь теории права необходимой обороны Анатолия Кони (1866) и оправдания Веры Засулич (1878). Следуя расширенному пониманию необходимой обороны, председательствовавший в суде Кони построил процесс таким образом, что победили аргументы в пользу защиты общества от произвола, пусть и путем преступления. В условиях отсутствия других законных форм общественного участия в принятии важных политических решений оправдание Засулич стало важным актом политической солидарности. Вместе с тем эта победа «общественной совести» над законом способствовала эскалации произвола и насилия и утверждению эгалитарного начала в понимании социальной справедливости в пореформенной России.

Tatiana Borisova examines the connection, heretofore neglected by scholars, between Anatoly Koni's theory of the right to necessary defense (1866) and the acquittal of Vera Zasluch (1878). Adhering to an expanded understanding of necessary defense, Koni, who presided over the trial, organized it such that arguments in favor of the defense of society from despotism prevailed, even if this aim was achieved through crime. Given the absence of other legal forms of societal participation in making important political decisions, the acquittal of Zasluch became an important act of political solidarity. At the same time, this victory of «societal conscience» over the law enabled both the escalation of despotism and violence and the affirmation of the egalitarian element in the understanding of social equality in post-reform Russia.

* Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (ТЗ-61: История технологий и инфраструктур в России и СССР: процессы и практики стандартизации и их участники).

Автор благодарит коллег и друзей, любезно способствовавших этой работе: Гарриса Рогоняна, Марианну Муравьеву, Марию Шклярчук, Екатерину Правилу, Дмитрия Серова, Виктора Каплуна, Джейн Бёрбанк, Максима Демина, Игоря Христофорова. Все возможные недостатки — исключительная ответственность автора.

Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него.

*А.П. Чехов — А.С. Лазареву-Грузинскому
(1 ноября 1889 года)*

Если представить, что отдельные исторические события работают как пружины, ускоряющие ход истории, и являются катализаторами «современности», то оправдание Веры Засулич, чудом не застрелившей петербургского градоначальника Федора Трепова в 1878 году, безусловно, было такой пружинкой. Наиболее остро понимание оправдания Засулич как важной исторической развилки передал Лев Толстой: «Засуличевское дело не шутка. Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей не даром. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное. <...> Это похоже на предвозв[естие] революции» [Толстой 2003: 423–424].

В исторической литературе о деле Засулич исследователи традиционно разрабатывают политическую, гендерную и этическую проблематику дела [Смолярчук 1982; Карпиленко 1994; Siljak 2008; Pipes 2010]. Меня, в свою очередь, интересует юридическая сторона процесса Засулич¹. Победителем в этом судебном процессе столичные газеты называли русское общество, представители которого на суде присяжных оправдали террористку. Я постараюсь показать, что у такого понимания общественной победы был автор — молодой юрист, литератор и общественный деятель Анатолий Федорович Кони, председательствовавший на процессе. Почему этот видный юрист приветствовал «юридически неправильное оправдание» [Кони 1933: 228] как победу российского суда?

В непрекращающемся споре о готовности российского общества к рецепции западных судебных институтов исследователи отмечают, что влиятельная критика интеллектуалами судов и позитивного права в Российской империи должна учитываться как весомый фактор, требующий самостоятельного исследования [Burgbank 2004; Rosenshield 2005; Borisova 2012]. С этой точки зрения оправдание Засулич нельзя обойти вниманием, так как это ключевой момент в истории утверждения эгалитарных начал в понимании социальной справедливости в России предреволюционного периода². В то же время процесс Засулич отчетливо обозначил тенденцию поддержки русскими интеллектуалами терроризма как политической практики [Geifman 1995: 14; Morrissey 2011]. В чем были идеологические и правовые корни этой поддержки?

Кембриджская школа истории понятий разработала методологию, позволяющую рассматривать политическую философию в качестве своеобразного двигателя политического процесса. В рамках этого подхода политический язык анализируется как инструмент политической борьбы и одновременно как своеобразная матрица, в которой уже заложен определенный набор вариантов политического действия. Понимание политических идей и использование их потенциала зависят от интеллектуального и политического контекста конкретного исторического момента. При этом политический язык развивается в дискуссиях о политическом: истории, политэкономии и праве [Россок 1999].

1 Понимание идей абстрактного rule of law с точки зрения государства частично рассматривает Ричард Пайпс: [Pipes 2010: 40–61].

2 Эта тенденция особенно заметна на примере негативного отношения российских либералов к частной собственности. См. подробнее: [Pravilova 2014].

Процесс Засулич представляет собой яркий пример политического действия юридической науки. Я исследую приговор присяжных 31 марта 1878 года как практический итог научной работы Кони «О праве необходимой обороны» [Кони 1866а; 1866б]. Другими словами, в моем представлении, процесс Засулич стал сценой, на которой научное сочинение блестящего студента-юриста Анатолия Кони стало «ружьем» — в чеховском, конечно, смысле, — выстрелившим повторно в градоначальника Трепова. Понятие общественной власти, проблематизированное Кони в научной работе, из юридической категории превратилось в политическое действие. Значение этого действия повлияло на политический язык пореформенной России.

Кони приступил к обязанностям председателя Санкт-Петербургского окружного суда 24 января 1878 года, в день, когда Засулич стреляла в Трепова, и почти 12 лет спустя после издания труда «О праве необходимой обороны», опубликованного осенью 1866 года. В начале речи перед присяжными он, по сути, подтолкнул их к вердикту о невиновности, введя понятие самообороны: «Убийство — есть лишение жизни. Оно является преступным, когда совершается не для самообороны» [Процесс 1906: 95]. Засулич покушалась на убийство, и тому были все доказательства. Однако Кони и защитник Александров фактически сформулировали тезис, что покушение Засулич являлось жертвенным актом самообороны общества против преступной власти, нарушавшей закон. Суд над Засулич стал судом над Треповым, над государством, которое олицетворял Трепов, и над обществом, которое терпело произвол государства в виде «краснорожего фельдфебеля». Символический «выстрел» оправдательного приговора суда наиболее емко передается в шутке, которую приводит Кони в воспоминаниях о деле Засулич, изданных в 1908 году — к тридцатилетней годовщине процесса. По его словам, живший с Треповым на одной лестнице Салтыков-Щедрин опасался, что тот в него «выстрелит», — пулю Засулич доктора не сумели извлечь, и общество жило в страхе ответной стрельбы [Кони 1933: 61].

Ключевой проблемой вооруженного этапа противостояния власти и общества стала проблема *законных* форм общественной солидарности и гражданской активности. Именно эту проблему в рамках права на самооборону исследовал студент Кони. Как человек может защититься, если на его права посягают, а государство и общество не могут предоставить ему защиту? Где заканчиваются государство и общественные интересы и начинается произвол их представителей и органов — чиновников и учреждений?

Важной предысторией, определившей позицию Кони по этим вопросам, и предысторией покушения Засулич стало первое покушение на Александра II 4 апреля 1866 года. Бывший студент Дмитрий Каракозов, обучавшийся одновременно с Кони в Московском университете, стрелял в императора у Летнего сада. По легенде, крестьянин Александр Комиссаров помешал покушению, вовремя выбив пистолет из руки террориста [Verhoeven 2009]. Пять лет спустя после отмены крепостного права бывший крепостной спасает царя. При этом в газетах мы ни слова не найдем о том, что общество / народ защитили своего государя: рукою крестьянина двигало Провидение. И это неудивительно, потому что фигура царя сакральна, как показал историк, автор концепции сценариев царской власти Ричард Уортман [Wortman 1990]. Действующие лица 4 апреля 1866 года — Комиссаров и Каракозов — в газетных сообщениях выступали олицетворениями добра и зла, к обществу отношения не имея. Публицисты решительно отказывали Каракозову в том, что он русский человек, тогда как Комиссарова, наоборот, за его поступок, так сказать,

«возводили» в общество: ему были пожалованы дворянство и шпага. Само же общество присутствовало в описании событий покушения и спасения в виде публики, в итоге бурно праздновавшей счастливый конец истории и выступавшей с инициативами благодарности Комиссарову³.

Покушение на высочайшую особу, совершенное среди бела дня у Летнего сада, ставило серьезные вопросы о проблеме безопасности в государстве. Своеобразным ответом на них было сочинение студента-юриста Кони о праве необходимой обороны. Это была первая научная работа в российской юриспруденции на эту тему, и ее тематика явным образом была политической. Говоря о необходимой обороне, Кони изучал проблему частного насилия в государстве как необходимой меры для защиты прав в случае непосредственной угрозы прямого посягательства на них со стороны кого бы то ни было, включая государственных чиновников. В тексте последовательно проводилась мысль об общественном значении сопротивления произволу, допустимом и даже обязательном, если общество и государство не могут защитить попираемые права.

Аргументы в пользу допустимости и полезности права на самооборону приводились в двух частях этого объемного — свыше ста страниц — сочинения: теоретической и практической. В теоретической части Кони опирался на сочинения немецких правоведов, утверждавших, что право необходимой обороны нужно и полезно для государства:

[Необходимая оборона] есть состояние самоуправства. По-видимому, существование необходимой обороны в этом смысле противоречит судебному началу, и они оба не могут существовать совместно. Казалось бы, что существование и допущение права необходимой обороны отрицает бытие государственной власти, отрицающей самосуд. Но в самом деле это начало показывает на существование и господство государственной идеи [Кони 1866b: 9].

Какую государственную идею воплощало право необходимой обороны? Основная идея — это идея права: «право не должно уступать неправу». Для усиления воздействия на читателя студент Кони высказывает этот тезис не от своего лица, а в более авторитетных формах, преподнося его то как «афоризм», то как слова известного немецкого правоведа Бернера. Кони подчеркивает, что необходимая оборона есть «правозащитение», поэтому она может использоваться и для защиты других людей. Здесь Кони приводит емкое определение Фейербаха:

Правом необходимой обороны называется употребление частной силы гражданина для защиты своих прав или прав другого, против начатого нарушения, в тех случаях, когда защита общественной властью невозможна [Кони 1866b: 15–16].

В условиях невозможности неотступно охранять гражданина государство обеспечивает ему право на самооборону как гарантию юридического равенства в обществе, — равенства в праве, что гарантирует справедливость государственного устройства. Именно этот момент подчеркивает Кони:

Отнять у человека защиту в тех случаях, когда общество ее дать не может, значило бы совершенно уничтожить объективное равенство между людьми.

3 О проблеме политической субъектности российского общества и о терроризме как способе ее утверждения см.: [Будницкий 1998; Verhoeven 2009].

Один сделался бы полновластным владыкой, а другой беззащитною жертвой. Вот в чем заключается основание допущения необходимой обороны [Кони 1866b: 10].

Все вышесказанное представляло собой вполне приемлемые политико-правовые рассуждения для императорской России середины XIX века. Однако насколько тепло труд Кони был встречен его наставниками по университету и насколько стремительно опубликован в приложении к университетскому изданию [Кони 1866a], а потом и отдельной книгой [Кони 1866b], настолько же быстро последовали репрессии властей [Смолярчук 1982: 30–33]. Эти репрессии стали следствием усиления мер безопасности и борьбы с революционной пропагандой, которые, как справедливо заметил известный правовед и учитель Кони Борис Чичерин, в конечном итоге и инициировали дело Засулич и его развязку:

Настоящий процесс раскрыл более существенное зло, заключающееся в нашем общественном строе, именно то коренное несовместимое противоречие, которое лежит между *преобразованиями нынешнего царствования* и *системой произвола*, внесенной в полицейскую деятельность после прискорбного события 4 апреля 1866 г. (курсив мой. — Т.Б.) [Чичерин 1933: 377].

В памфлете «О деле Засулич» Чичерин говорит о невозможности дальнейшего сосуществования двух государственных политик — «правового порядка» и произвола. Обе политики были формализованы, т.е. закреплены в законодательстве, и, как писала историк Лора Энгельштейн, приводили к сосуществованию в императорской России двух государств — правового и административного (*rule of law* и *rule of administration*) [Engelstein 1992]. Процесс над Засулич под председательством Кони стал той площадкой, где оба государства столкнулись⁴, и это ясно зафиксировал Чичерин:

И самый суд представлял полное противоречие: с одной стороны — действия, возможные при полном беспорядке; с другой стороны — обличение этих самых действий пред лицом общества, пред высшими сановниками государства [Чичерин 1933: 377].

Противоречие было артикулировано в форме спора о понимании законности и справедливости. В этом споре «срабатывала» запрещенная цензурой часть сочинения Кони о самообороне, в соответствии с которой преступление Засулич могло рассматриваться как единственная форма самообороны общества от произвола чиновников.

Действительно, как сообщали свидетели, сразу же после покушения Засулич объявила, что ею двигала так называемая «боголюбовская история» [Процесс 1906: 28]⁵, случившаяся за полгода до этого. Речь шла о незаконном распоряжении Трепова сечь розгами осужденного за участие в демонстрации у Казанского собора студента Боголюбова, не снявшего шапки перед Треповым во дворе тюрьмы Кресты. Телесное наказание ссыльнокаторжного разрешалось законом только по прибытии на место каторги или во время следования по этапу⁶. Наказание Боголюбова вызвало беспорядки в тюрьме,

4 Проблемы разного правосознания обоих государств частично касался Уортман [Wortman 1976; 2005: 147–148].

5 Здесь и далее я буду ссылаться на стенограмму процесса, опубликованную в этом сборнике документов.

6 Решение Уголовного кассационного департамента Сената № 37 от 3 февраля 1877 года.

о которых написали петербургские газеты. По поводу применения насилия в ходе пресечения беспорядков прокуратура возбудила расследование, но треповский вклад в историю не получил никакого официального осуждения до процесса Засулич.

По итогам судебного разбирательства председатель Кони так сформулировал вопрос для присяжных: «Виновна ли Засулич в том, что, решившись отомстить градоначальнику Трепову за наказание Боголюбова и приобретя с этой целью револьвер, нанесла 24 января, с обдуманном заранее намерением, генерал-адъютанту Трепову рану в полость таза пулею большого калибра?» [Процесс 1906: 94]. Незаконное наказание Боголюбова по инициативе защиты подробно рассматривалось на суде как решающее обстоятельство покушения Засулич. Включение боголюбовского наказания как повода для покушения в формулировку вопроса присяжным, по сути, определило оправдательный приговор — вердикт был «не виновна». Как писал Чичерин, присяжные «своим обвинительным приговором, казалось, оправдали бы тот самый произвол, против которого возмущается общество» [Чичерин 1933: 383].

Принципиальной позицией председателя Кони было включить факт незаконного наказания Боголюбова в судебное разбирательство в качестве существенного обстоятельства дела, инициировавшего покушение. Стоит отметить, что, как следует из стенограммы процесса, обвинитель Кессель всячески стремился избежать такого поворота дела, зная, что защитник Александров вызвал на заседание суда свидетелей боголюбовской истории. Кессель настаивал на том, что Трепов проходит по делу исключительно как свидетель. Ключевой тезис обвинения звучал в форме призыва защитить право на жизнь: «Я защищаю жизнь человека» [Процесс 1906: 65].

Как показывают исследования американских историков Гириша Бата и Луизы Макрейнольдс, моральная оценка личности стала важной чертой российского суда присяжных [Bhat 1997; 2004; McReynolds 2013]. На процессе Засулич защищаемые законом права были представлены в тесной связи с моральной оценкой Трепова и Засулич. Первый был представлен как инициатор преступления Засулич, тогда как она сама, «почти ребенок», как называл ее защитник, была доведена до крайности произволом власти и потому действовала почти невменяемо.

Здесь, как будет показано далее, работала запрещенная властями к распространению концепция самообороны Кони. Исходя из всех источников — стенограмм процесса в газетах⁷, воспоминаний участников [Федоров 1905; Глаголь 1918; Перетц 1927] и даже правительственных документов, — хорошо видно, что на процессе Засулич покушение на жизнь генерал-адъютанта Трепова было представлено как защита от произвола Трепова, осуществленная в форме мести. В основе этой интерпретации лежит расширительное понимание тезиса Кони о «моральном принуждении сопротивляться неправу».

В теоретической части работы, написанной на основе немецкой правовой литературы, есть несколько вопросов, по которым Кони вступает в спор с иностранными авторами и настаивает на том, что понимание права на самооборону надо расширить. Один из авторов касается вопроса о вине и преступности действий лица, совершающего насилие в процессе обороны:

Некоторые писатели, например Цепфль, требуют, чтобы противозаконное действие, совершаемое в состоянии необходимой обороны, считалось

7 Стенографические отчеты судебного заседания были опубликованы в газетах «Северный вестник», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время».

только извинительным. Но это неверно. Сила морального принуждения здесь часто так велика, что отнимает у воли всякую свободу, а у действия характер вменяемости. Ответственность лежит на лице нападавшего, который и есть главный виновник всего случившегося. Притом, обороняющийся самим законом управомочен к противозаконным последствиям своего действия [Кони 1866b: 10–11].

Таким образом, преступление нападавшего абсолютно снимает вопрос о преступности насилия обороняющегося. Обороняющийся не может быть виновен, потому что моральное принуждение бороться с неправом лишает его свободы воли. Закон наделяет его правом активно сопротивляться беззаконию. Исполняя закон, обороняющийся не может быть виновен.

Это теоретическое построение было использовано защитой Засулич. Трепов же стал олицетворением такого произвола, которому, как писал Кони, могли и должны были противостоять граждане:

Всякий гражданин, имеющий обязанность исполнять закон, имеет и право не допускать противозаконных действий. В этом смысле необходимая оборона составляет не только право, но и священную обязанность всякого гражданина. Непользованием таким своим правом гражданин будет допускать совершаться несправедливостям со стороны общественных лиц [Кони 1866b: 26].

Кого Кони называет «общественными лицами»? Уже из контекста цитаты понятно, что речь идет не просто о гражданах. Особый термин вводится для обозначения лиц, исполняющих в государстве функции «общественной власти». Надо отметить, что в тексте Кони 1866 года понятия «общественная» и «государственная» власть используются как синонимические. В этом прослеживается общая тенденция российской юридической печати начала 1860-х годов. Например, в небольшом разделе о необходимой обороне в очерке о теории уголовного права неизвестного автора оба термина также используются как взаимозаменяемые [Д. 1860: 126–130]⁸. Как будет показано ниже, у Кони право необходимой обороны должно обеспечить тождество понятий «общественная» и «государственная» власть. Эта тема детально раскрывается в разделе о несправедливости незаконного нападения как основании для законной необходимой обороны.

Кони подробно обсуждает законную и необходимую оборону против незаконных действий чиновников, когда поднимает вопрос о критериях законности применения насилия как обороны. Таких критериев-условий два, и они относятся к нападению: оно должно быть несправедливым и, как пишет Кони, «современным». Сопроотивление *несправедливому* нападению — незаконному посягательству на права — основной критерий законности обороны, которому Кони уделяет большое внимание. «*Современность*» нападения означала, что оно должно совершаться именно в настоящем, а не в прошлом или будущем, когда у гражданина есть возможность обратиться в государственные органы за защитой, в полицию и суд. В немецкой и французской литературе о праве необходимой обороны, на которой основывал свою теорию Кони, также на-

8 Кони в своем труде развивал основные положения, касающиеся обороны, этой более ранней работы. Текстуальная близость обоих источников и то, что очерк вышел под псевдонимом, позволяют даже предположить, что они оба написаны Кони. Однако это предположение опровергается сведениями, которые нам известны из его подробно изученной биографии; см.: [Смолярчук 1982].

зываются эти признаки, но приводятся и другие — дополнительные формальные условия, например необходимость бегства жертвы нападения.

Таким образом, важной особенностью труда Кони является то, что в нем несправедливое и «современное» нападение становится единственно важным признаком необходимой обороны. Особый акцент на несправедливости незаконного нападения — отличительная черта подхода Кони. Понятие незаконного нападения у него предполагает и обратное понятие законного нападения в форме законного нарушения прав. Говоря о последнем, Кони пишет, что применение необходимой обороны будет незаконно в двух случаях: (а) против родителей, опекунов, воспитателей и (b) против чиновников и агентов правительства как представителей общественной власти.

Но есть два условия, когда оборона против действий общественной власти допустима. Во-первых, если власть действует «вне границ своей компетентности» и, следовательно, не имеет права на такие действия. Во-вторых, когда она «действует даже в границах своей компетентности, но противозаконна в материальном отношении» [Кони 1866b: 24]. В контексте суда над Засулич первое условие, отсылающее нас к русской традиции либерального понимания естественного права, кажется не таким важным. На первый план выходит второе условие незаконности действий власти: нарушение чиновниками законов, допущенное в отношении осужденного Боголюбова. Именно такого рода нарушения и законная необходимая оборона против них интересуют Кони, и он подробным образом останавливается на теории этого вопроса. Пристальное внимание Кони к проблеме законности противодействия незаконным действиям чиновников объясняется новизной предлагаемого им юридического механизма правовой защиты от злоупотреблений власти. В отличие от немецкой и французской юриспруденции, правовое урегулирование этой проблемы было новой и мало разработанной темой в России 1860-х годов⁹.

Доказывая пользу необходимой обороны против неправовых действий чиновников, Кони приводит три аргумента:

- (а) неприменение необходимой обороны может быть губельно для гражданской свободы;
- (b) допущение необходимой обороны ведет к большей осмотрительности со стороны чиновников;
- (с) достоинство государственной власти не умалится, если она не признает неправильно действующих агентов своими слугами [см.: Кони 1866a: 216]¹⁰.

Далее он отдельно и подробно развивает мысль о том, что государству полезно поддержать гражданина в борьбе с произволом, включая самостоятельную и несанкционированную борьбу в ситуации необходимой обороны. Необходимая оборона в таком случае не только законна, но и целесообразна, потому что поддерживает идею справедливости и законности в государстве:

Говорят, что если государственная власть допустит возможность незаконных действий со стороны чиновников и будет позволять сопротивление таким действиям, то она уронит свое достоинство. Это несправедливо, потому что достоинство государственной власти, напротив, выиграет, если она будет строгой блюстительницей закона и будет всегда одинаково строго смот-

⁹ Подробнее об этом см. в исследовании проблемы административной юстиции в России: [Правилова 2000].

¹⁰ Это место было опущено в отдельном издании [Кони 1866b].

реть на отступников от закона, невзирая на их общественное положение. Власть не может требовать уважения к закону, если она его сама не соблюдает [Кони 1866b: 24–25].

На процессе Засулич требование равенства всех перед законом возоблададо над задачей защиты жизни граждан. Такой ход дела не предугадал министр юстиции Пален, когда принял решение, что дело Засулич можно и нужно рассматривать судом присяжных как всеми осуждаемое покушение на жизнь, угрожающее безопасности любого обывателя. Он не мог предположить, что идеи о законе и справедливости Кони в принципе подразумевают расширительное толкование второго ключевого условия законности необходимой обороны (после несправедливости) — «современности».

Как уже говорилось, от момента наказания Боголюбова до выстрела Засулич прошло полгода. Безусловно, по формальным признакам ее действие классифицировалось как самосуд и покушение на убийство. Действия Засулич никак нельзя назвать необходимой обороной Боголюбова, потому что нападение не было «современным». В отношении прошедшего нападения гражданин должен был искать защиту в суде. В случае готовящегося нападения гражданин должен был использовать «возможность предупредить общественную власть и таким образом встать под ее защиту». Однако будущее легко переходит в настоящее: «Как только нападающий стал *в такое положение, что если его не предупредить*, то он нарушит право — так можно начинать защищаться (курсив мой. — Т.Б.)» [Кони 1866b: 21].

Приказ Трепова о наказании Боголюбова можно рассматривать как незаконное нападение на личность Боголюбова, которое не могло быть пресечено общественной властью, что как будто позволяло необходимую оборону. Действительно, могла ли Засулич искать защиты от произошедшего нападения в суде? Нет. Известно ли ей было о том, что общественная власть вступилась за права Боголюбова в какой-либо форме? Нет. Таким образом, сам факт безнаказанности Трепова мог рассматриваться если не как незаконное действие, то как незаконное «положение», угрожающее обществу. Безнаказанность Трепова ставила его в положение потенциально нападающего, положение, при котором «если его не предупредить, то он нарушит право», что как будто санкционировало необходимую оборону в виде предупреждения дальнейших незаконных действий.

Этот теоретический сценарий, несмотря на его уязвимость, косвенно использовала защита. Адвокат Александров развивал ключевые слова Засулич на суде:

Тогда, не видя никаких других средств к этому делу (произволу в отношении Боголюбова. — Т.Б.), я решилась, хоть ценою собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью, я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие [Процесс 1906: 48].

Целью защиты было показать, что Засулич не вершила самосуд, она защищалась от произвола. Засулич не судья, а жертва общества — покалеченная женщина-ребенок. Она взяла в руки оружие, чтобы обличить законный порядок, допуская произвол и его безнаказанность. Здесь Александров противопоставляет остро переживаемую Засулич несправедливость наказания Боголюбова «законному» порядку: «Законник подвел бы приличную статью закона, прямо оправдывающую случай с Боголюбовым: у нас ли не найти статьи закона, коли нам нужно ее найти» [Процесс 1906: 83–84].

Приведенные слова защитника ставят под сомнение саму идею законности, утверждая, что закон — это бездушный и несправедливый инструмент, который искалечил жизнь самой Засулич после ее злосчастного знакомства с известным революционером Нечаевым. В своей речи адвокат подробно и ярко рассказывает о ее скитаниях, связанных с делом Нечаева, по которому она не была осуждена, но провела два года в тюрьме (1869—1871).

После заключения Засулич в Петропавловской крепости ее дело не было передано в суд и было прекращено. Но на свободе она была недолго — ее поместили в пересыльную тюрьму «по предписанию начальства». Мать и сестра ожидали, что ее скоро освободят, и приносили ей в тюрьму «конфеты и книжки». Двадцатилетняя Засулич предстает в виде обиженного ребенка. Александров развивает этот образ дальше, рассказывая о том, как в легкой одежде ее выслали по этапу. Она просила отложить поездку, чтобы родные принесли ей теплые вещи. Но в этом ей было отказано — «нельзя по закону». Жандарм, сопровождавший ее, «снял свою шинель и одел барышню» [Процесс 1906: 71—72]. Человеколюбие на секунду восторжествовало над бездушным законом.

В итоге Александров доводит противопоставление самосуда Засулич законному суду до крайности: она оказывается страстной поборницей законности. Для большей убедительности Александров облакает этот тезис в форму мысли Засулич:

Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия в лице своих представителей будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его, по важности случая, в виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, где атрибутом правительства служит кнут [Процесс 1906: 88].

Здесь следует обратить внимание на призыв адвоката соотнести преступление Засулич с преступлением Трепова, которое является позором для государства и косвенно для общества, терпящего произвол. Эту мысль повторял в своих воспоминаниях Кони, отвечая на нападки в пристрастности его позиции на процессе. Он писал, что хотел дать присяжным возможность вынести справедливое решение, соотнеся оба преступления:

...В виду признания присяжными, что одно насилие (со стороны власти) не уполномочивает на другое (со стороны подвластных), суд получил бы полное основание, особо *оттенив первое из этих насилий*, почерпнуть в *произведенном им впечатлении* и в житейской обстановке подсудимой поводы для ходатайства перед государем о дальнейшем смягчении, о милосердии... Представление суда — подробное и твердое — указывало бы государю на то, как беззастенчиво преступают его сановники границы законности и уважения к человеческому достоинству... [Кони 1933: 212].

Таким образом, Александров и Кони всячески подчеркивали «общественное» значение судебного процесса и важность принимаемого решения для общества. Под «обществом» тогда скорее понималась читающая публика [Долгих 2006: 54—56; Калугин 2011: 374—376; Каплун 2011]. Речь в первую очередь идет о столичной публике, которая была обеспокоена своим недостаточно цивилизованным образом в Европе. Стоит отметить, что публичность в деле Засулич играла очень важную роль — публика была активным действующим лицом процесса. Из объемных воспоминаний Кони о деле Засулич видно, что

он хорошо понимал ценность фактора публичности для процесса и успешно использовал его, выступая и как режиссер, и как администратор в театральном смысле слова¹¹.

Для начала особое внимание он уделил распространению «билетов» на процесс среди влиятельных светских персон из столичной публики. Надо сказать, что формально процесс был открытым, но допуск публики без билетов, как писал Кони, мог «вызвать всевозможные беспорядки, скандалы и, может быть, даже увечья» [Кони 1933: 94–95]. По его собственным словам, он был завален письмами и просьбами о билетах. Допуск сочувствующей публики был крайне важен, потому что во многом именно от точки зрения присутствовавших на заседании зависела трактовка приговора в Петербурге. Как пишет сам Кони, «некоторые сановные негодяи», допущенные на закрытый для публики политический процесс над пропагандистами 1877 года, распространяли слухи о том, что «подсудимые, стесненные на своих скамьях и пользуясь полумраком судебной залы, совершают во время следствия половые соития» [Кони 1933: 57]. Зная о стигматизации женщин, принимавших участие в революционном движении, значительную часть билетов на процесс Засулич раздали образованным и прогрессивным женщинам Петербурга. Присяжные, со своей стороны, также относились к Кони как к своего рода театральному режиссеру. Накануне заседания они обращались к нему через судебного пристава с вопросом, «не следует ли им в виду важности заседания 31 марта надеть фраки, у кого есть, и белые галстухи». Кони просил передать им, что не находит это нужным [Кони 1933: 96].

Современники, которые не поддерживали оправдательный приговор, указывали на неприличную «театральность» процесса и ставили ее в вину председателю суда. Этот факт был отмечен и в кассационной жалобе обвинителя. Обвинитель Кессель жаловался на то, что когда речь защитника сопровождалась аплодисментами, то председатель Кони должен был не только прекратить «беспорядок», но и «пригласить присяжных заседателей не обращать ни малейшего внимания на такое обстоятельство, которое не должно иметь никакого влияния на разрешение дела» [Кони 1933: 403]. Таким образом, суд и судебная процедура были скомпрометированы не только театральностью, но и *эффектом*, который публичность оказывала на ход и результат дела.

Кроме того, в кассационной жалобе обвинитель жаловался и на другую форму незаконного, по его мнению, влияния публики на процесс: председатель на процессе допустил чтение газеты «Новое время» как источника информации о наказании Боголюбова, подтолкнувшего Засулич к мысли о покушении. Обвинитель оспаривал объективность газетной публикации как свидетельства, указывая на то, что официальные источники сведений о случившемся должны были иметь приоритет на суде [Кони 1933: 391–392]. Действительно, чтение заметки было важным приемом в пользу Засулич, если учесть, что, как уже говорилось, российское общество того времени формировало определенные культурные практики, прежде всего чтение. Тем самым все присутствовавшие на процессе представители читающей публики могли соотнести себя с Засулич, которая, в отличие от других читателей столичной газеты, не смирилась с противозаконным унижением человеческого достоинства и отважилась принести себя в жертву.

Режиссерский замысел Кони в принципе сработал — петербургские газеты писали о процессе как минимум с сочувствием. Наиболее эмоционально ра-

11 Мать Кони была актрисой, и поэтому театральные практики были ему хорошо знакомы.

дость по поводу оправдательного приговора выражала влиятельная газета «Голос». В судебном репортаже присутствовавший на процессе публицист Григорий Градовский так передал основной эффект судебного процесса: «...Это не ее, а меня, всех нас — общество судят» [Градовский 1878: 2]. И дальше он пояснял, за что:

Нам даны уставы, законы, положения, созданы учреждения; но кто же их не соблюдает, кто проповедует систему всевозможных охранений и усмотрений, запретов и недоверий, кто прямо или косвенно потворствует разладу между словом и делом, что делало общество, отчего молчала печать, не раздавались ли, наоборот, протесты против малейших поползновений обуздать наше своеволие, не находились ли публицисты, которые извергали ругательства, требовали публичных экзекуций, розог и плетей на площадях [Градовский 1878: 2].

Как видно из репортажа, на процессе чувства возобладали над разумом. Именно так сформулировал дилемму процесса председатель суда Кони: сострадание милостивого суда или разум закона. Но были ли у закона в лице обвинения шансы убедить общество в своей справедливости, требующей защиты суда?

Основным аргументом обвинения обвинитель Кессель избрал противопоставление «своевольного» суда Засулич «суду законному». Это противопоставление должно было, по всей видимости, убедить в первую очередь ключевых участников процесса — коллег-юристов Кони и Александрова — со всей ответственностью подойти к своим речам на суде. Действительно, от решения присяжных зависела репутация суда, в престиже которого были заинтересованы все действующие лица. Вопреки обвинениям Кесселя в слабом выступлении на процессе, надо отдать должное обвинителю: он очень четко сформулировал невозможность оправдания Засулич путем убедительного противопоставления самосуда Засулич «суду законному»:

...Самоуверенно предположив, что ее взгляд вполне солидарен со взглядами общества, <...> Засулич сочла возможным устроить какой-то тайный суд.

Устроив тайный суд, она сочла возможным соединить в своем лице и прокурора и защитника и судью; она считала возможным постановить смертный приговор, который она же, молодая женщина, привела в исполнение, к счастью неудавшееся [Процесс 1906: 64].

То, что молодая женщина может взять на себя властные функции основных фигур судебного процесса, выглядело как полный абсурд. В подтверждение своей правоты обвинитель Кессель напоминал, что средства Засулич преступны, потому как они подрывают законность как важное условие общественной жизни. Здесь стоит обратить внимание на терминологический выбор обвинителя: речь идет не о государстве, а об обществе. Жертва Засулич, градоначальник Трепов, представлен как «общественный деятель»:

Я вполне уверен в вашем согласии с тем, что каждый общественный деятель, кем бы он ни был, имеет право на суд законный, а не суд Засулич. Я уверен также в вашем согласии, что никакая общественная жизнь, никакая общественная организация не возможна там, где общественные деятели, администраторы, судьи, земские деятели, публицисты вынуждены были бы помнить, что как бы они ни поступали, а с той или с другой стороны на них все-таки будет направлен револьвер. Я думаю, что эти общественные деятели имеют право на то, на что имеет право каждый человек, право на жизнь [Процесс 1906: 64].

Кессель косвенным образом рассматривает тему защиты общества. Он облачает возможные аргументы в пользу нравственных целей общественной защиты. В них он видит только неубедительное и безнравственное средство оправдания преступных деяний:

Она говорит, что хотела доказать, что нельзя безнаказанно производить подобного рода действий. Из этих слов Засулич видно, что ее действия служили как бы выражением обязанности устранить явления, которые, по ее мнению, были вредны обществу [Процесс 1906: 61].

Действия градоначальника Трепова Кессель не рассматривал, потому что, как отдельно подчеркивал обвинитель, Трепов на процессе выступал в качестве свидетеля, а не подсудимого. Против «общественно значимого» понимания покушения Засулич обвинитель выдвигал несколько доводов. Каждый из них выглядел разумно, но в совокупности они как будто скорее подтверждали право Засулич на самооборону от произвола, пусть и преступными методами.

Первый довод ставил под сомнение легитимность претензий частного действия на выражение общественной воли. Только судебный приговор «выражает общественную совесть». Право на применение насилия имеет только государственный институт, который Кессель обозначал как суд: «...Какое право она имела присваивать своим взглядам те последствия, которое имеет только судебный приговор?» [Процесс 1906: 61].

Засулич являлась частным, не уполномоченным на выражение общественного мнения лицом. Чтобы подчеркнуть этот факт, Кессель требовал предъявления «полных, несомненных и не подлежащих опровержению фактов, доказывающих, что взгляд данного лица на известное общественное явление вполне солидарен со взглядом общества» [Процесс 1906: 61]. Умозрительность приведения таких фактов очевидна. По сути, это требование звучит как настоящая провокация для коллегии присяжных как общественного института. Только они — присяжные — в этой ситуации могли принять политическое решение от лица общества и признать преступными действия Трепова.

Действительно, какие существовали общественные механизмы для пресечения произвола градоначальника? По сути, никаких, кроме писем и прошений. Были ли у Засулич с единомышленниками легальные способы бороться за право выражать общественную волю, например в форме борьбы политических партий на выборах? Нет. Поэтому суд присяжных как общественный институт мог трактовать как издевательское требование представить *дополнительные* факты, подтверждающие, что противозаконное наказание осужденного недопустимо для общества. Своим оправдательным приговором присяжные как бы заявляли: мы являемся представителями солидарной общественной воли, и она готова простить Засулич покушение на Трепова, потому что та действовала в интересах общества против произвола власти, который не был подвергнут преследованию в законном порядке.

Второй довод против общественного понимания действий Засулич был направлен на обличение якобы высокой нравственности ее поступка. Против защитницы общества Кессель приводил максиму Канта, формулируя ее так: «Поступай всегда так, чтобы то правило, на основании которого ты действуешь, могло быть признано за обязательное всеми разумными существами». Далее он пояснял, что нравственные нормы зафиксированы в законе:

В практической жизни общие положения, принципы нравственности <...> выражаются законом, который путем отрицательным, путем определения:

чего нельзя делать, указывает границы, за пределами которых начинается область безнравственности [Процесс 1906: 62].

И в заключение он повторял то, с чего начинал: единственно возможный и законный метод улучшения общественного устройства следует искать в суде, «решающем, что есть право и что не право». Общественные деятели не могут исключаться из числа тех, кого защищает суд.

Как было сказано, Кесселя обвиняли в слабом выступлении на суде. Возможно, именно в этой «нравственной» части обвинения и видели его слабое место. Следует отметить, что «фактическая», первая часть его речи, с которой он начал, выглядела менее уязвимо. Кессель убедительно опроверг тезис Засулич, что она не хотела убивать Трепова¹². Само выбранное ею оружие и обстоятельства стрельбы позволяли обвинителю усомниться в искренности ее слов.

Серьезность этого довода со стороны обвинения отметил в своей речи перед присяжными и председатель суда Кони. Стоит заметить, что с точки зрения содержательных аргументов нет особой необходимости останавливаться подробно на речи Кони перед присяжными, в которой он резюмировал все сказанное на суде. Можно только подчеркнуть общую тенденцию его выступления, которая заключалась в том, чтобы представить в качестве адекватных и равных доводы обвинения и защиты. Эта тенденция проявилась и в постановке вопроса присяжным, в котором говорилось о покушении Засулич из мести, что формально не могло считаться необходимой обороной. Так проявлялась беспристрастность Кони. Но присяжные не были знакомы с формальными критериями преступного и неприступного нападения, и поэтому тезис о неспреступности убийства для необходимой обороны мог рассматриваться ими как юридическое основание для оправдания. В то же время нравственная значимость действий присяжных («представителей общественной совести» [Процесс 1906: 108]), постоянно педалируемая в речи Кони, подталкивала к тому, чтобы обратить большее внимание на нравственную аргументацию обвинения и защиты.

Нравственный спор обвинение проиграло. Более того, именно нравственные аргументы обвинителя сыграли с ним злую шутку, несмотря на то что каждый из них был нацелен на доказательство необходимости осудить Засулич. Однако в результате все стало выглядеть следующим образом. Законными средствами противодействовать произволу Трепова были рапорты прокуратуры, которые, как сообщает Кони, ни к чему не привели. Обществу о них ничего не сообщалось. Судебное разбирательство преступления Засулич становилось единственной возможностью общественного и государственного признания того, что Трепов совершил преступление. В случае такого признания общество и государство действовали как единое целое в соответствии с теорией необходимой обороны Кони, однако судить при этом должны были Засулич, «благодаря» которой состоялся суд над Треповым. Правда торжествует путем оправдания покушения на жизнь преступника. Покушение Засулич, представленное в том числе как единственно возможный акт необходимой обороны Боголюбова и всего общества от произвола чиновника, оправдано. Возвращаясь к первоначальному вопросу о причинах политического выбора общества между справедливым насилием и преступным законом на процессе Засулич, стоит сказать о роли российских общественных

12 Этот тезис ей помог высказать председатель суда Кони. Отвечая на его вопрос, желала ли она убить Трепова, Засулич отвечала: «Нет, мне было все равно, убить или рапнуть» [Процесс 1906: 48].

деятелей и юристов. Юридический язык того времени изобилует нравственными категориями. Сам Кони в воспоминаниях пишет, что оправдательный приговор стал «нравственной победой» теории над практикой [Кони 1933: 230]. В деле Засулич стало отчетливо понятно, что теоретические представления Кони и других ярких образованных юристов того времени о том, какими должны быть право и государство, не соответствовали официальной законности. И здесь они выступали как наиболее квалифицированные критики существующих порядков от имени всего общества.

Ключевой проблемой, остро переживаемой юристами, было бюрократическое законотворчество, т.е. невозможность общественного участия в законодательной власти, которая при отсутствии общественного контроля могла санкционировать любой произвол [Borisova 2012]. Публичный судебный процесс стал общественным механизмом противодействия «законному произволу». Он позволил обществу выйти из «пассивной роли»¹³, как писал Кони [Кони 1933: 230], и указать на безнравственность законного порядка, в создании которого общество не принимало участия и потому охранять и поддерживать который не считало необходимым.

В этой связи разрабатывались специфическая теория нравственных задач права и специфический язык обличения бесправия. Призыванием российских юристов объявлялось правовое просвещение граждан, которое должно было показать истинность начал права через критику действующих законов. В опубликованной на заре реформ статье «О необходимости приобретения обществом юридических и политических сведений» правовед Николай Нелидов из Казанского университета так обращался к читателям «Юридического журнала»:

....Люди поддадутся добрым внушениям, только докажите им ясно и последовательно, что такое-то действие незаконно, и почему оно незаконно. А известно, что именно этого сознания незаконности многого, совершаемого нами, и недостает нашему обществу [Нелидов 1860: 42].

Обличая незаконность происходящего в государстве, предполагалось вызвать интерес к инструментам правовой защиты от беззаконий и произвола — например, путем использования права необходимой обороны или судебной защиты. Более того, задачи правового просвещения становились политическими задачами:

Безнравственно нарушать закон и правила чести. А что такое закон по понятиям значительного большинства людей? Одна из статей свода законов Российской империи. Для многих лиц, неразвитых образованием, закон представляет что-то фатальное, запрещающее или дозволяющее то или другое, *неизвестно почему* (курсив мой. — Т.Б.) [Нелидов 1860: 43].

Суд над Засулич стал судом над законом в Российской империи, законом, который не гарантировал защиты от произвола. Для юристов он стал возможностью привлечь общественное внимание к проблеме законности как общего дела и занять при этом позиции лидеров общественного движения. Для публики суд и приговор стали политическим действием, в котором общественная солидарность выразилась новым способом, более значимым, чем существовавшие культурные практики объединения. Эта новая форма создавала иллюзию солидарности с более широкими слоями населения. Став ареной борьбы за понимание тождественности государственного и общественного в Россий-

13 См. сноску 3.

ской империи, суд ясно продемонстрировал, что сопротивление произволу, опасному для всех социальных групп, является мощным катализатором солидарности, потребность в которой отчетливо ощущалась элитами того времени. Во многом благодаря участию передовых юридических сил солидарность в деле защиты личности от произвола приобрела отчетливые черты эгалитарной «необходимой обороны», обороны, ради которой через права личности можно в итоге переступить.

Процесс Засулич представляет собой важный момент формирования политического языка реформенной России и специфического понимания разграничения понятий государственного и общественного. Во многом это разграничение было выгодно либеральной российской юриспруденции реформенной поры, которая искала поддержки общества и задействовала язык «общественной власти». В деле Засулич широкое толкование юридического понятия «необходимая оборона» стало мощным политическим средством выражения солидарного действия общества против произвола и несправедливости.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- [Будницкий 1998] — *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: Идеология, этика, психология: (Вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1998. (*Budnitskiy O.V. Terrorism v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: Ideologiya, etika, psikhologiya: (Vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.). Moscow, 1998.*)
- [Глаголь 1918] — *Глаголь С.* Процесс первой русской террористки // Голос минувшего. 1918. № 7-9. С. 152—155. (*Glagol' S. Protsess pervoy russkoy terroristki // Golos minuvshogo. 1918. № 7—9. P. 152—155.*)
- [Градовский 1878] — *Градовский Г.К.* Фельетон // Голос. 1878. № 92. С. 2. (*Gradovskiy G.K. Fel'eton // Golos. 1878. № 92. P. 2.*)
- [Д. 1860] — *Д.* Очерк теории уголовного права // Юридический журнал, издаваемый П.А. Салмановым. 1860. № 2. С. 76—138. (*D. Ocherk teorii ugovolnogo prava // Yuridicheskiy zhurnal / Ed. by P.A. Salmanov. 1860. № 2. P. 76—138.*)
- [Долгих 2006] — *Долгих Е.В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М., 2006. (*Dolgikh E.V. K probleme mentaliteta rossiyskoy administrativnoy elity pervoy poloviny XIX veka: M.A. Korf, D.N. Bludov. Moscow, 2006.*)
- [Калугин 2011] — *Калугин Д.Я.* История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени: Русский опыт // От общественного к публичному: Коллективная монография / Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб., 2011. С. 305—394. (*Kalugin D.Ya. Istoriya ponyatiya «obshchestvo» ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: Russkiy opyt // Ot obshchestvennogo k publichnomu: Kollektivnaya monografiya / Ed. by O.V. Kharkhordin. Saint Petersburg, 2011. P. 305—394.*)
- [Каплун 2011] — *Каплун В.Л.* Общество до общественности: «Общество» и «гражданское общество» в культуре российского Просвещения // От общественного к публичному: Коллективная монография / Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб., 2011. С. 395—486. (*Kaplun V.L. Obshchestvo do obshchestvennosti: «Obshchestvo» i «grazhdanskoe obshchestvo» v kul'ture rossiyskogo Prosveshcheniya // Ot obshchestvennogo k publichnomu: Kollektivnaya monografiya / Ed. by O.V. Kharkhordin. Saint Petersburg, 2011. P. 395—486.*)
- [Карпиленко 1994] — *Карпиленко Ю.С.* «Дело» Веры Засулич: Российское общество, самодержавие и суд присяжных в 1878 году. Брянск, 1994.

- (*Karpilenko Yu.S.* «Delo» Very Zaslulich: Rossiyskoe obshchestvo, samoderzhavie i sud pri-
syzhnykh v 1878 godu. Bryansk, 1994.)
- [Кони 1866а] — *Кони А.Ф.* О праве необходимой обороны: Рассуждение студента Анатолия К., написанное для получения степени кандидата по Юридическому факультету // Московские университетские известия. 1866. № 7. С. 193—294.
- (*Koni A.F.* O prave neobkhodimoyu oborony: Rassuzhdenie studenta Anatoliya K., napisannoe dlya polucheniya stepeni kandidata po Yuridicheskomu fakul'tetu // Moskovskie universitetskie izvestiya. 1866. № 7. P. 193—294.)
- [Кони 1866б] — *Кони А.Ф.* О праве необходимой обороны: Рассуждение студента Анатолия К., написанное для получения степени кандидата по Юридическому факультету. М., 1866.
- (*Koni A.F.* O prave neobkhodimoy oborony: Rassuzhdenie studenta Anatoliya K., napisannoe dlya polucheniya stepeni kandidata po Yuridicheskomu fakul'tetu. Moscow, 1866.)
- [Кони 1933] — *Кони А.Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич / Ред. текста и примеч. М.Ф. Теодоровича. М.; Л., 1933.
- (*Koni A.F.* Vospominaniya o dele Very Zaslulich / Ed. by M.F. Teodorovich. Moscow; Leningrad, 1933.)
- [Нелидов 1860] — *Нелидов Н.К.* О необходимости приобретения обществом юридических и политических сведений // Юридический журнал, издаваемый П.А. Салмановым. 1860. № 1. С. 36—58.
- (*Nelidov N.K.* O neobkhodimosti priobreteniya obshchestvom yuridicheskikh i politicheskikh svedeniy // Yuridicheskii zhurnal / Ed. by P.A. Salmanov. 1860. № 1. P. 36—58.)
- [Перетц 1927] — Дневник Е.А. Перетца (1880—1883) / Подгот. к печати А.А. Сергеев. М.; Л., 1927.
- (*Dnevnik E.A. Perettsa* (1880—1883) / Ed. by A.A. Sergeev. Moscow; Leningrad, 1927.)
- [Правилова 2000] — *Правилова Е.А.* Законность и права личности: Административная юстиция в России. СПб., 2000.
- (*Pravilova E.A.* Zakonnost' i prava lichnosti: Administrativnaya yustitsiya v Rossii. Saint Petersburg, 2000.)
- [Процесс 1906] — Процесс Веры Засулич: (Суд и после суда) / Ред. Г.А. Галланин. СПб., [1906].
- (*Protsess Very Zaslulich: (Sud i posle suda)* / Ed. by G.A. Gallanin. Saint Petersburg, [1906].)
- [Смолярчук 1982] — *Смолярчук В.* Анатолий Федорович Кони (1844—1927). М., 1982.
- (*Smolyarchuk V.* Anatoliy Fedorovich Koni (1844—1927). Moscow, 1982.)
- [Толстой 2003] — *Толстой Л.Н.* Письмо Н.Н. Страхову, 8 апреля 1878 г. // Л.Н. Толстой — Н.Н. Страхов: Полное собрание переписки / Сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова; ред. А.А. Донсков. М.; Оттава, 2003. С. 423—424.
- (*Tolstoy L.N.* Pis'mo N.N. Strakhovu, 8 aprelya 1878 g. // L.N. Tolstoy — N.N. Strakhov: Polnoe sobranie perepiski / Ed. by L.D. Gromova, T.G. Nikiforova and A.A. Donskov. Moscow; Ottawa, 2003. P. 423—424.)
- [Федоров 1905] — *Федоров М.* Из воспоминаний по управлению С.-Петербургским домом предварительного заключения // Русская старина. 1905. № 1. С. 92—93.
- (*Fedorov M.* Iz vospominaniy po upravleniyu S.-Peterburgskim domom predvaritel'nogo zaklyucheniya // Russkaya starina. 1905. № 1. P. 92—93.)
- [Чичерин 1933] — *Чичерин Б.Н.* О деле Засулич // Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич / Ред. текста и примеч. М.Ф. Теодоровича. М.; Л., 1933. С. 376—384.
- (*Chicherin B.N.* O dele Zaslulich // Koni A.F. Vospominaniya o dele Very Zaslulich / Ed. by M.F. Teodorovich. Moscow; Leningrad, 1933. P. 376—384.)
- [Bhat 1997] — *Bhat G.* The Moralization of Guilt in Late Imperial Russian Trial by Jury: The Early Reform Era // Law and History Review. 1997. Vol. 15. № 1. P. 77—113.
- [Bhat 2004] — *Bhat G.* The Particulars of Guilt: Final Questions for the Jury under the 1864 Judicial Reform // Slavic Studies. 2004. Vol. 38. P. 251—272.

- [Borisova 2012] – *Borisova T.* The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality // *Law and History Review*. 2012. Vol. 30. № 3. P. 901–925.
- [Burbank 2004] – *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington; Indianapolis, 2004.
- [Engelstein 1992] – *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-siècle Russia. Ithaca, N.Y., 1992.
- [Geifman 1995] – *Geifman A.* Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton, 1995.
- [McReynolds 2013] – *McReynolds L.* Murder Most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia. Ithaca, N.Y., 2013.
- [Morrissey 2011] – *Morrissey S.K.* Terrorism, Modernity, and the Question of Origins // *Kritika*. 2011. Vol. 12. № 1. P. 213–226.
- [Pipes 2010] – *Pipes R.* The Vera Zasulich Trial // *Russian History*. 2010. Vol. 37. № 1: A special issue. P. 1–82.
- [Pocock 1999] – *Pocock J.G.A.* Barbarism and Religion, II: Narratives of Civil Government. Cambridge, 1999.
- [Pravilova 2014] – *Pravilova E.* A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton; Oxford, 2014.
- [Rosenshield 2005] – *Rosenshield G.* Western Law, Russian Justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law. Madison, 2005.
- [Siljak 2008] – *Siljak A.* Angel of Vengeance: The «Girl Assassin», the Governor of St. Petersburg, and Russia's Revolutionary World. New York, 2008.
- [Verhoeven 2009] – *Verhoeven C.* The Odd Man Karakozov: Imperial Russia, Modernity, and the Birth of Terrorism. Ithaca, N.Y., 2009.
- [Wortman 1976] – *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976.
- [Wortman 1990] – *Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1990. Vol. 2.
- [Wortman 2005] – *Wortman R.* Russian Monarchy and the Rule of Law: New Considerations of the Court Reform of 1864 // *Kritika*. 2005. Vol. 6. № 1. P. 147–148.

SUMMARY

THEORIES OF CORPOREAL EXPERIENCE IN EXPERIMENTAL LITERARY PRACTICES

Compiled by Tatiana Venediktova and Ronald Schleifer

An article by **Ronald Schleifer**, “The Terrible Facticity of Pain: Semiotics and the Possibility of Representing Sensate Experience,” examines two different ways of understanding pain – its nomological analysis and phenomenological perception – with regard to the semiotic understanding of the terrible factuality of pain as sensation and perceptual experience. Semiotics attempts to explain genesis as meaning itself, as well as the phenomenological effect of its immediacy, “factuality.” Schleifer demonstrates this through one of the most extreme states of human experience, the phenomenon of human pain. The article attempts, first of all, to precisely define the possibilities for the representation of somatic pain, and secondly, to achieve a more precise understanding of the phenomenon of pain itself. Schleifer also introduces the concept of a “pain situation,” which coincides with the actual dynamics of pain understood not as a “psychic” or “physical” phenomenon, but rather a site of interaction and feedback that reveals the factuality of pain as such.

In “On the Length of the Poetic Line, or Is It Possible to Formalize Corporeality in Poetry,” **Natalia Azarova** asks to what extent the structure of the poetic text is capable of reflecting the corporeality embedded within it, the interplay between the rhythm of breath and that of the eyes, and of serving as a projection of various movements in space. Azarova selects the length of the poetic line as a formal criterion and proceeds from the assumption that a long free-verse line offers special possibilities for realizing the link with corporeality, as well as for connecting the mental and the corporeal. The “Whitman line” – a long free-verse line, the length of which is determined by the rhythm of breath (and more broadly, of corporeality) – acts as a precedent and model for this kind of interplay. This model was transmitted in twentieth-century poetic texts by Fernando Pessoa, Allen Ginsberg, et al. Writings by Yakov Druskin trace a distinct interplay between corporeality and the length of the poetic line. His “philosopher’s poems” establish the interplay between breath, the length of the poetic line and the not-quite-defined quality of the philosophical definition, such that the limit of a thought’s development is regulated by corporeality given form in the length of the poetic line. Nevertheless, the proposed formalization is not rigid; as demonstrated in the poetry of Arkady Dragomoshchenko, a long line can help to bring about the opposite strategy as well – one of pure ideation.

An article from **Anna Shvets**, “The Verbal Gesture as Possibility for the Direct Transcription of Experience,” explores a signifying strategy which makes possible the rendering of a directly inaccessible and inexpressible experience, with reference to Walt Whitman (*Song of Myself*, 1855). Shvets argues that, in his early poems, Whitman strives to communicate the inherently incommunicable experience of composing a poem that cannot be put into words because it precedes verbal expression. In response to this challenge, Whitman deploys a new signifying strategy based on a bodily means of expression. In Shvets’ view, the flow of Whitman’s verse imitates bodily movement, namely, a verbal gesture, i.e. a means of performative signifying. Shvets carries out a thorough analysis of the means of expression involved in the process of verbal imitation.

In “Corporeal Deixis in Experimental Poetry: The Experience of e.e.cummings,” **Vladimir Feshchenko** discusses the deictic (pragmatic) dimension of the poetic text, where this dimension is realized through “signs of corporeality” in experimental poetry. Feshchenko suggests an analysis in which the problem of corporeal deixis can be projected onto a literary text. Using the work of e.e.cummings, Feshchenko examines how corporeal deixis functions in experimental poetry. He pays particular attention to the transition from the symbolic (symbolism) and iconic (mimetics) methods of producing meaning in the poetic text to the indexical (performative). The performative quality of the image in cummings is connected to his special attention to subjectivity. The figures that take shape, the egocentric sign-shifters and speech gestures in his poems create the performative effect of the poet’s “speaking body.”

Nicole Svobodny’s article, “The Dancer Writes: Vaslav Nijinsky and Embodied Language” explores the connection between dance and writing through an analysis of Vaslav Nijinsky’s *Feeling*. Written in 1919 while he was in semi-retirement in Saint-Moritz, Switzerland, *Feeling* can be considered side by side with Nijinsky’s various experiments in translating bodily movement into new forms of expression and expanding the boundaries of artistic medium. Nijinsky’s choreographic experiments in horizontal and vertical movement found expression in the writer’s poetic style; in his accounts of solitary walks; and in the tension of two narrative movements in counterpoint.

FOLLOWING THE CAMBRIDGE SCHOOL: ANTHROPOLOGY OF THE LANGUAGE OF SOCIALITY

Section edited by Timur Atnashev and Mikhail Velizhev

An article from **Mikhail Velizhev**, “Language and Context in Russian Intellectual History: Chaadaev’s First *Philosophical Letter*,” suggests a new interpretation of the rift between contexts that accompanied the creation and publication of Pyotr Chaadaev’s first *Philosophical Letter*, as well as with the period in which the new political language Chaadaev used in his text was taking shape. The political language of French traditionalism had become fully consolidated in the political context of the Holy Alliance of European sovereigns; the ideology of this alliance was closely tied to one of the key texts of the Catholic tradition, Joseph de Maistre’s treatise *On the Pope*. The foundational hypothesis of Velizhev’s article lies in the fact that, while actively using the language of the traditionalist-philosophers, Chaadaev was also reflecting upon the fate of the Holy Alliance.

The section continues with an article from **Ekaterina Pravilova**, “‘Private Property’ in the Languages of Late Eighteenth-Century and Early Nineteenth-Century Russian Society.” Thanks to the reforms of Catherine the Great, by the end of the eighteenth century the concept of “property” had become firmly established in Russian political and legal discourse. Borrowed (like other significant terms) from European sources, this concept had a multitude of interpretations. How was “property” differently understood by German Romantic conservatives, English liberals and French physiocrats? And which one of these interpretations did Catherine have in mind when she declared the indivisibility of “property and liberty,” and with what meaning did she invest this declaration?

In “‘The Necessary Defense of Society’: The Language of the Zaslulich Trial,” **Tatiana Borisova** examines the connection, heretofore neglected by scholars, between A.F. Koni’s theory of the right to necessary defense (1866) and the acquittal of Vera Zaslulich (1878). Adhering to an expanded understanding of necessary defense, Koni, who presided over the trial, organized it such that arguments in favor of the defense of society from despotism prevailed, even if this aim was achieved through crime. Given the absence of other legal forms of societal participation in making important political decisions, the acquittal of Zaslulich became an important act of political solidarity. At the same time, this victory of “societal conscience” over the law enabled both the escalation of despotism and violence and the affirmation of the egalitarian element in the understanding of social equality in post-reform Russia.

In “Reformers in Search of a Language: Yegor Gaidar’s *State and Evolution*,” **Timur Atnashev** examines the intellectual legacy of Egor Gaidar as an inventive philosopher of history and political philosopher, proceeding from his book *State and Evolution*. Using the Cambridge approach, two basic historiosophical languages are highlighted: a) a neo-Marxist and simultaneously liberal language based on the central idioms of the “Asiatic method of production” and the division between private property and the state (i.e. “Eastern” and “Western” civilizations); b) the perestroika-informed historiosophical language of “choosing a path” and “historical alternatives.” By combining these two languages, which demonstrate different answers to the question of pre-determination and freedom in history, Gaidar offered a solution to the contradictory rhetorical problems connected with an original interpretation of the general determinist logic of the history of Russia and the USSR, including perestroika, through an apologia for the reforms pushed through under his leadership and offering a substantiation of the possibility for free choice in the near future (in light of the active criticism, in summer 1994, of the results of these reforms). Gaidar’s previous work as a top-level expert and acting prime minister had demonstrated the objective difficulties faced by the reformer, regarding the possibility of publicly justifying and substantially discussing the suggested institutional resolutions. The language developed by the team of future economic reformers, over ten years of collaborative work at the request of the Soviet Central Committee and Council of Ministers, turned out to be incomprehensible and unconvincing for the lobbyists, most of the military branches, the central bank management and a majority of constituents. In *State and Evolution*, Gaidar uses accessible linguistic means to explain his position, suggesting a new philosophy of history. The prophetic power of this model and the rhetorical failure of the reformers over the subsequent two decades make this book a relevant and profound utterance with an ongoing impact on history. A serious discussion of Gaidar’s intellectual legacy can be conducted outside a narrow ideological framework using the Cambridge methodology of investigating discourse, with the aim of better understanding the motives and language of the reformers – an integral part of society’s working through its historical experience.

PHYSIOLOGY OF CULTURE

In “Smells as Miasma, Symptoms, and Evidence: On the Problem of Everyday Life Becoming Scientized in Late Nineteenth-Century Russia,” **Maria Pirogovskaya** addresses one of the aspects of medicalization in Russian nineteenth-century urban culture: the introduction and popularization of “scientifically founded” standards for everyday life. This process, which was reflected in various kinds of advisory literature, brought about changes in the social meaning of smells and the incursion of the sense of smell into social space. Guided by the theory of miasmas, which remained the major explanatory model for pathogenesis into the 1880s, the authors of manuals, textbooks and guides for housekeeping advised their readers to pay closer attention to everyday smells. For their own security, educated city-dwellers were compelled to acquire the skills of organoleptic analysis and to internalize a hygienic approach to everyday life that called for the complete cleansing and deodorization of the home habitat. In this perspective,

smells were interpreted as potential symptoms, or as evidence fraught with medical and social significance.

POLITICS OF THE BODY/POETICS OF GENDER

Though best known to fin-de-siècle Russian audiences as a decadent purveyor of anti-political aestheticism, Oscar Wilde's interest in Russia stemmed precisely from its political radicalism. Wilde's very first play, *Vera, or the Nihilists* (1881), was his contribution to a growing trend in British literature to offer fictionalized portraits of Russian terrorists. The threat of Irish radicalism at home made the nihilist-led assassinations in imperial Russia a common subject in the British press. In *Vera*, Wilde focuses on the sexual mores of the nihilist movement including their rejection of romantic love and sublimation of sex. Wilde's heroine, an extremely fictionalized version of the real-life Vera Zasulich, struggles to deny her lust for the tsar in order to carry out the assassination she has been tasked to lead. **Jennifer Wilson's** "The Importance of Loving a Nihilist: Oscar Wilde's *Vera* and the Sexual Politics of Russian Radicalism" frames Wilde's characterization of revolutionary asceticism within broader questions raised by socialists at the end of the 19th century (in both Russia and Britain) regarding the relationship between sex and socialism.

Irina Arzamastseva's "The Three Souls of a Provincial Female Gymnasium Student: Zinaida Gippius' *The Green Ring*" discusses *The Green Ring* by Zinaida Gippius in the context of issues connected with public awareness of gender, family, and ideology in early twentieth century Russia, as addressed by Russian and European writers, modernists and realists alike. It emphasizes the discovery of Meyerhold and Stanislavsky's new systems in Russian theatre, lays out Gippius' critique of utopian notions of "the child's age" and "the new human" by Gippius, and identifies her play as an expressionistic satirical comedy emulating a realistic social drama. It also suggests that Ivan Bunin's account of how he wrote the 1916 short story *The Light Breath* is a hoax, and that Boris Pasternak completed the literary type of a Russian female gymnasium student in his *Doctor Zhivago*. This type is regarded in its development from the "Turgenevian young lady" and emancipated actress of the late nineteenth century to the androgynous revolver-wielding gymnasium student, a child, a male, and a female at the same time.

"Gender and Art, or 'A Triangle Drawn into a Circle' (On the Symbolist Subtexts of *The Gift*)," an article from **Olga Skonechnaya**, examines the romantic and writerly plots of *The Gift* in the context of the Symbolist philosophy of Eros, which is founded on the idea of overcoming the earthly division of the sexes. This overcoming, and the rejection of gender roles and of the erotic drama instilled by nature, in the name of victory over death, is connected to the idea of the artist's service to the "common good," which in émigré literature becomes connected with the theme of the "end" of literature and the renunciation of its traditional forms. Among the émigrés, one striking representative of this kind of thinking and its rejection of standard forms of life and art was Zinaida Gippius. In *The Gift*, a novel which recreates with ingenious irony the spiritual movements of Russian life and among them, its "erotic utopia" (O. Matich), from the "new men" of the 1860s to the "new people" of the fin-de-siècle, Skonechnaya discovers previously unsuspected moments of hidden polemics with Gippius, her mentors and fellow-travelers. Skonechnaya articulates Nabokov's opposition to the Russian Symbolists regarding the theme of gender and art.

INTERPRETATIONS

Evgeny Soshkin's "The Origins of Nabokov's *The Potato Elf*" contains an intertextual analysis of Vladimir Nabokov's 1924 story. Soshkin proposes a hypothesis that the story's key subtext, which allows for the reconstruction of its metafable, is Wilhelm Hauff's fairy-tale *Der Zwerg Nase* [*The Dwarf Nose*] (1826). On the basis of this hypo-

thesis, and taking into consideration several other proposed subtexts (including Chernyshevsky's *What is to be Done?* and Dostoyevsky's *Crime and Punishment*, as well as one of Vertinsky's "sad little songs" written after a poem by Blok), Soshkin suggests an integrated reading of *The Potato Elf*. In his analysis, Soshkin incorporates the English translation of the story, which Nabokov participated in.

In "On Happiness in Personal Life (The Karamzinian Subtext in Pushkin's *From Pindemonti*)," **Igor Nemirovsky** investigates the Karamzinian subtext in Pushkin's poem and points to the fact that its key line, "To depend on the tsar, to depend on the people" carries in its subtext the concluding phrase from Karamzin's *Dedication to Emperor Alexander*: "the history of the people belongs to the Tsar" – and the highly controversial discussion provoked by this phrase. The connection between Pushkin's words and Karamzin's statement is not at all based merely on the mention of two key figures, the tsar and the people, but involves a whole complex of Karamzinian "traces" in the poem, as well as in other works by Pushkin during the same period. Pushkin spent his whole life making sense of the phrase "history belongs to the Tsar," and transformed it in *From Pindemonti* into the line "to depend on the tsar, to depend on the people, / Isn't it all the same to us"; this can be seen as a focal point of Pushkin's Karamzinianism.

NON-CONFORMISM REVISITED

An article from **Oleg Fedotov**, "Snowfall at Christmas (Religious Allusions in Joseph Brodsky's *Snow falls, leaving the whole world in a minority...*)," analyzes one of Brodsky's most "Pasternakian" poems in the broad context of both poets' cycles of poems on Christmas. In the poem of the title, and other ones with which it exists in dialogue, we can observe shared motifs with the prose genre of the "Christmas tale." But instead of an event-driven narrative built around a fairy-tale plot with an inevitable happy ending, an intense lyric meditation develops, with elements of a symbolic landscape, philosophical musings, grand odic inspiration, balladic mystery and imaginary prayer (or the call to prayer). Within the complex substance of the poem, the idea of the eternal flow of time is highlighted, which allows the lyric speaker to experience the birth of the God-man as his own.

Boris Kolymagin's article, "Chinese Motifs in Underground Poetry," examines the influence of Chinese culture on unofficial poetry. We can observe attempts within the literary underground to move toward mastering the internal features of Chinese literature, but this movement turned out to be stuck on external attributes. The most grand-scale attempt to master the Chinese theme was made in the 1980s by Olga Sedakova. In the present day, the underground's modernist project is being continued by Natalia Azarova. The problem of transforming Russian words into Chinese characters, which Azarova is working on, is directly connected to visualizing and interpreting character-based writing. This problem has been addressed at different times by Dmitry Avaliani, Anna Alchuk, Vsevolod Nekrasov and other poets. These attempts by underground writers demonstrate that classical Chinese literature has to a certain degree influenced contemporary Russian poetry as well.

In "Alternative Models of Time in the Self-Awareness of 'Unofficial' Culture," **Alexander A. Zhitenev** analyzes the different ways that writers self-identified in a situation of timelessness, and investigates ideas about the role of tradition and the possibility for innovation in the post-avant-garde era. Using material from Leningrad's "unofficial" culture, Zhitenev describes several models of time connected with different ways of understanding the link between the past and the present: seeing the past as absolute, mimicking certain cultural models, creating individual utopias, embodying the unrealized possibilities of past literary periods. That time which the individual experiences as "coinciding with oneself," and which can be written into the linear logic of the literary process, is connected with the figure of the subject who possesses a fate and history.

“CAPITAL OF RUINS”:
WAR AND THE ANTHROPOLOGICAL TURN

An essay from **Shamshad Abdullaev**, “A Poem by Samuel Beckett,” presents a liberal hermeneutic study commenting freely on Samuel Beckett’s poem *Saint-Lô*. Written in 1946 after the devastating Allied bombings that transformed the ancient town in Lower Normandy into a “capital of ruins,” this poem marks a rupture and simultaneous new beginning of a new, “mature” period in Beckett’s work. As an Irish Red Cross volunteer in 1945, Beckett worked as a translator at a military hospital in Saint-Lô; in his eyes, the utterly devastated town became a symbol of the collapse of rationality and the cogito.

No writer besides Samuel Beckett has ever demonstrated such a stunning and grand-scale evolution, from the linguistic excess of his early texts to the conspicuous silence of the late ones. In “Samuel Beckett: The Path of Subtraction,” **Anatoly Riasov** examines this evolution in broad historical and cultural context, and particularly in connection with the author’s destructive experience of war. Beckett’s texts, which stand apart in twentieth-century literature, have become both a detailed historical chronicle of modernism and its aesthetic zenith. Reading them, we can never be sure if we are dealing with the remains of a dying language, or coming into contact with something that makes the very birth of speech possible. Beckett’s legacy can be perceived both as a whole work, complete with prologue and epilogue, and as a text that he was just getting ready for, and did not even begin writing.

ERRATA

В разделе Summary (НЛО. № 134. С. 441) обнаружилась ошибка: статья Микелы Вендитти «Философские основания литературоведения в ГАХН» была приписана Николаю Плотникову.

A mistake was found in the Summary section (NLO. No 134. P. 441): Michela Venditti’s article *The Philosophical foundations of literary study at GAKhN* had been attributed to Nikolay Plotnikov.

НАШИ АВТОРЫ

- Шамшад АБДУЛЛАЕВ (*независимый исследователь; Фергана*) chekshor@yandex.ru;
- Наталья АЗАРОВА (*Институт языкознания РАН, ведущий научный сотрудник отдела теории языка, руководитель Центра лингвистических исследований мировой поэзии; доктор филологических наук*) natazarova@gmail.com;
- Ирина АРЗАМАСЦЕВА (*Московский педагогический государственный университет, профессор; доктор филологических наук*) arzamas_i@mail.ru;
- Тимур АТНАШЕВ (*Институт общественных наук РАНХиГС, старший научный сотрудник Центра публичной политики и государственного управления, старший преподаватель; PhD*) timur.atnashev@gmail.com;
- Татьяна БОРИСОВА (*НИУ ВШЭ СПб., факультет истории, доцент, кандидат исторических наук*) tborisova@hse.ru;
- Михаил ВЕЛИЖЕВ (*НИУ ВШЭ, профессор Школы филологии факультета гуманитарных наук; кандидат филологических наук*) nun.ce.problema@gmail.com;
- Татьяна ВЕНЕДИКТОВА (*МГУ, профессор филологического факультета, заведующая кафедрой общей теории словесности; доктор филологических наук*) tvenediktova@gmail.com;
- Александр ЖИТЕНЕВ (*Воронежский государственный университет, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, доцент кафедры теории литературы и фольклора; доктор филологических наук*) superbia@mail.ru;
- Борис КОЛЫМАГИН (*независимый исследователь; Москва*) kolymagin1@yandex.ru;
- Игорь НЕМИРОВСКИЙ (*независимый исследователь; Бостон; PhD*) shlomo58@mail.ru;
- Мария ПИРОГОВСКАЯ (*Европейский университет в Санкт-Петербурге, аспирантка; МАЭ РАН, ассистент*) mpirogovskaya@eu.spb.ru;
- Екатерина ПРАВИЛОВА (*Принстонский университет, доцент факультета истории; кандидат исторических наук*) kprav@princeton.edu;
- Анатолий РЯСОВ (*независимый исследователь; Москва*) x25@mail.ru;
- Николь СВОБОДНИ (*Университет Вашингтона в Сент-Луисе, заместитель декана Колледжа искусств и наук, старший преподаватель факультета международных исследований; PhD*) svobodny@wustl.edu;
- Ольга СКОНЕЧНАЯ (*независимый исследователь; кандидат филологических наук*) oskonechnaya@gmail.com;
- Евгений СОШКИН (*Ерегейский университет в Иерусалиме, постдокторант*) e_soshkin@yahoo.com;
- Дженнифер УИЛСОН (*Университет Пенсильвании, постдокторант; PhD*) jen.louise.wilson@gmail.com;
- Олег ФЕДОТОВ (*Московский институт открытого образования, профессор кафедры филологического образования; доктор филологических наук*) o_fedotov@list.ru;
- Владимир ФЕЩЕНКО (*Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник; лаборатория «Семиотика и знаковые системы» Новосибирского государственного университета; кандидат филологических наук*) takovich2@gmail.com;
- Анна ШВЕЦ (*МГУ, магистрантка филологического факультета*) ananke2009@mail.ru;
- Рональд ШЛЕЙФЕР (*Университет Оклахомы, адъюнкт-профессор медицинского факультета, профессор-исследователь; PhD*) schleifer@ou.edu.

OUR AUTHORS

- Shamshad ABDULLAEV (*independent researcher; Ferghana*) chekshor@yandex.ru;
- Irina ARZAMASTSEVA (*Moscow State Pedagogical University, professor; PhD*) arzamas_i@mail.ru;
- Timur ATNASHEV (*School of Public Policy, RANEPa, senior researcher, senior professor; PhD*) timur.atnashev@gmail.com;
- Nataliya AZAROVA (*The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; leading researcher, Theory of language department; head of the Centre for World Poetry Studies; PhD*) natazarova@gmail.com;
- Tatiana BORISOVA (*HSE, St. Petersburg; associate professor, Department of History; PhD*) tborisova@hse.ru;
- Oleg FEDOTOV (*Moscow Institute of Open Education; professor, Department of Philological education; PhD*) o_fedotov@list.ru;
- Vladimir FESHCHENKO (*The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, leading researcher; Novosibirsk State University, Semiotics and Sign Systems Laboratory, researcher; PhD*) takovich2@gmail.com;
- Boris KOLYMAGIN (*independent researcher; Moscow*) kolymagin1@yandex.ru;
- Igor NEMIROVSKY (*independent researcher; Boston; PhD*) shlomo58@mail.ru;
- Maria PIROGOVSKAYA (*European University at St. Petersburg / Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences; graduate student; assistant*) mpirogovskaya@eu.spb.ru;
- Ekaterina PRAVILOVA (*Princeton University; associate professor, Department of History; PhD*) kprav@princeton.edu;
- Anatolii RYASOV (*independent researcher; Moscow*) x25@mail.ru;
- Ronald SCHLEIFER (*The University of Oklahoma; adjunct professor, College of Medicine; George Lynn Cross research professor; PhD*) schleifer@ou.edu;
- Anna SHVETS (*MSU; master's student, Faculty of Philology*) ananke2009@mail.ru;
- Olga SKONECHNAYA (*independent researcher, PhD*) oskonechnaya@gmail.com;
- Evgenii SOSHKIN (*The Hebrew University of Jerusalem, post-doctoral fellow*) e_soshkin@yahoo.com;
- Nicole SVOBODNY (*Washington University in St. Louis; assistant dean, College of Arts & Sciences; senior lecturer, International & Area Studies; PhD*) svobodny@wustl.edu;
- Mikhail VELIZHEV (*HSE; professor, School of Philology, Faculty of Humanities; PhD*) nun.ce.problema@gmail.com;
- Tatiana VENEDIKTOVA (*MSU; professor, Faculty of Philology; head of General theory of literature department; PhD*) tvenediktova@gmail.com;
- Jennifer WILSON (*University of Pennsylvania, postdoctoral fellow; PhD*) jen.louise.wilson@gmail.com;
- Aleksandr ZHITENEV (*Voronezh State University; associate professor, Department of 20th- and 21st-century Russian Literature; associate professor, Department of Theory of literature and folklore; PhD*) superbia@mail.ru.

TABLE OF CONTENTS
No. 135 (2015)

THE NEW SOCIAL POETRY

- IGOR LEVSHIN 9 Boar Petrov's Lectures on Poetry.
Lecture 2: The Nightingale

*THEORIES OF CORPOREAL EXPERIENCE
IN EXPERIMENTAL LITERARY PRACTICES*

Compiled by Tatiana Venediktova and Ronald Schleifer

- TATIANA VENEDIKTOVA, 13 Introduction
RONALD SCHLEIFER
- RONALD SCHLEIFER 16 The Terrible Facticity of Pain: Semiotics
and the Possibility of Representing Sensate
Experience (*trans. Andrey Logutov*)
- NATALIA AZAROVA 28 On the Length of the Poetic Line, or Is It
Possible to Formalize Corporeality in Poetry
- ANNA SHVETS 37 The Verbal Gesture as Possibility for the
Direct Transcription of Experience
- VLADIMIR FESHCHENKO 43 Corporeal Deixis in Experimental Poetry:
The Experience of e.e.cummings
- NICOLE SVOBODNY 56 The Dancer Writes: Vaslav Nijinsky and
Embodied Language (*trans. Andrey Logutov*)

*FOLLOWING THE CAMBRIDGE SCHOOL:
ANTHROPOLOGY OF THE LANGUAGE
OF SOCIALITY*

Compiled by Timur Atnashev and Mikhail Velizhev

- TIMUR ATNASHEV, 68 Introduction
MIKHAIL VELIZHEV
- MIKHAIL VELIZHEV 71 Language and Context in Russian Intellectual
History: Chaadaev's First *Philosophical Letter*
- EKATERINA PRAVILOVA 88 "Private property" in the Languages of Late
Eighteenth-Century and Early Nineteenth-
Century Russian Society
- TATIANA BORISOVA 101 "The Necessary Defense of Society":
The Language of the Zasulich Trial
- TIMUR ATNASHEV 119 Reformers in Search of a Language:
Yegor Gaidar's *State and Evolution*

PHYSIOLOGY OF CULTURE

- MARIA PIROGOVSKAYA 140 Smells as Miasma, Symptoms, and Evidence:
on the Problem of Everyday Life Becoming
Scientizied in Late Nineteenth-Century Russia

*POLITICS OF THE BODY/POETICS
OF GENDER*

JENNIFER WILSON	170	The Importance of Loving a Nihilist: Oscar Wilde's <i>Vera</i> and the Sexual Politics of Russian Radicalism (<i>trans. D. Kharitonov</i>)
IRINA ARZAMASTSEVA	182	The Three Souls of a Provincial Female Gymnasium Student: Zinaida Gippius' <i>The Green Ring</i>
OLGA SKONECHNAYA	199	Gender and Art, or "A Triangle Drawn into a Circle" (On the Symbolist Subtexts of <i>The Gift</i>)

INTERPRETATIONS

EVGENY SOSHKIN	217	The Origins of Nabokov's <i>The Potato Elf</i>
IGOR NEMIROVSKY	230	On Happiness in Personal Life (<i>The Karamzinian Subtext in Pushkin's From Pindemonti</i>)

NON-CONFORMISM REVISITED

OLEG FEDOTOV	254	Snowfall at Christmas (Religious Allusions in Joseph Brodsky's <i>Snow falls, leaving the whole world in a minority...</i>)
BORIS KOLYMAGIN	268	Chinese Motifs in Underground Poetry
ALEXANDER A. ZHITENEV	279	Alternative Models of Time in the Self-Awareness of "Unofficial" Culture

*"CAPITAL OF RUINS":
WAR AND THE ANTHROPOLOGICAL TURN*

SHAMSHAD ABDULLAEV	289	A Poem by Samuel Beckett
ANATOLY RIASOV	293	Samuel Beckett: The Path of Subtraction

CHRONICLE OF CONTEMPORARY LITERATURE

ALLA GORBUNOVA	317	A Centaur-Book and the Happiness of Presence (<i>Review of: G. Aigi. The arrangement of happiness: A book of poems. M., 2014</i>)
SERGEY SDOBNOV	322	Beneath the (Shroud) Shelter of the Obvious (<i>Review of: V. Voinova. The wombat and the whistle: texts. Vladivostok, 2014</i>)

BIBLIOGRAPHY

TATIANA VENEDIKTOVA	326	Literary Pragmatics: Structure of a Project (<i>Review of books on literature as communication</i>)
EVGENY SAVITSKY	346	The "New Medievalism" Twenty-Five Years Later (<i>Review of: Rethinking the New Medievalism. Baltimore, 2014</i>)
GALINA ELSHEVSKAYA	355	Art Theory on the Verge of a Nervous Breakdown (<i>Review of translations: P. Burger. Theory of the Avant-garde. M., 2014; J. Crary. Techniques of the Observer. M., 2014; Thierry de Duve. Au nom de l'art. Pour une archéologie de la modernité. M., 2014</i>)

S.I. LUCHITSKAYA	364	The Whole World Is a Chessboard (<i>Review of: Chess in the Middle Ages and Early Modern Age. Boston; Berlin, 2012</i>)
	371	New Books

IN THE MARGINS

ROMAN TIMENCHIK	388	On <i>esprit de corps</i>
A.I. REITBLAT	392	A Bibliography of Bulgarin's Publications in Periodicals and Collections during His Lifetime

CHRONICLE OF SCHOLARLY LIFE

VERA MILCHINA	418	"Russians in France, 1814: facts, literature, memoir" (<i>Paris, 16–17 October 2014</i>)
SOFIA ABASHEVA	428	"Educating the gaze: the paradoxes of Diderot" (<i>European University in St. Petersburg, 20 December 2014</i>)
ANDREY VOZYANOV, OXANA ZAPOROZHETS	433	"The mobile person and the management of the urban everyday: digital anthropology of city transport" (<i>a round table discussion at the Moscow Higher School of Economics, ITHR Poletaev Laboratory of Historical Research/RANEPa School of Contemporary Research in the Humanities, 5 December 2014</i>)
	438	Summary
	443	Errata
	444	Our authors
	446	Table of contents

ООО Редакция журнала
«Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:
123104, Москва, Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: +7 495 229 91 03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>
Склад в С.-Петербурге:
тел.: +7 812 579 50 04; +7 812 275 05 21
e-mail: nlo-spb@yandex.ru
www.nlobooks.ru

Корректор О. Косова

Лицензия на издательскую деятельность:
серия ЛР № 061083 от 6 мая 1997 г.

Формат 70x100 1/16 печать офсетная
Уч.-изд. л. 28, тираж 2000 экз.
Заказ № К-4728
Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13